

КРОКОДИЛ

Король Квиринала.

«Необходимо спасти фашизм от проституции. Нужно похитить Муссолини из римского болота, из публичного дома Квиринала».

Из фашистской газеты.

В публичном доме Квиринала
Король фашистов возлежал,

Толпа графьев над им стояла,
И пятки князь ему чесал.

(Из народной итальянской песни).

Голос из публики: — Какой? 487.563-ий? Ах, черт! У меня 487564ый! Ну, ничего—значит, следующий—мой будет!

Советский этикет и хороший тон.

Необходимое настольное руководство «Крокодила» для советских барышень дам и кавалеров.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Потребность в таком руководстве давно и остро ощущалась широчайшими кругами приличного советского общества. Руководства, однако, не было. Теперь оно будет.

К вышеизложенному необходимо присовокупить, что в «руководстве» речь идет не о том хорошем тоне, который насаждается ЦКК, РКК, ГПУ и прочими буквами из азбуки коммунизма. Да и с какой стати вздумалось бы «Крокодилу» повторять азбучные истины?

Речь идет о другом хорошем тоне, — гораздо более сложном. О том, который обязателен для всех советских молодых людей, вращающихся в обществе и желающих преуспевать в жизни.

— Н-ну!..—усомнятся, по привычке, антисоветские элементы:—какое ж такое общество? Это «товарищи»-то?..

Извините, пожалуйста! Кто говорит о товарищах? Говорят о «милостивых государях»!

Глава I.

РОЖДЕНИЕ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА.

Жизнь большинства советских людей началась с революции... Так бывает, однако, не всегда.

В настоящее время жизнь советского человека начинается, по большей части, с рождения. Сменовеховцы и раскаявшиеся меньшевики не подходят под это правило, но в общем его можно считать установившимся в серьез и надолго. Таким образом, мы имеем все основания начать свое «руководство» не с поступления человека на советскую службу, а с рождения ребенка в приличной, уважающей себя советской семье.

Как должны себя вести приличные родители в столь ответственный момент

своего бытия, определяющего сознание? Какие обычаи, обряды, поступки и правила поведения предписываются для таких случаев этикетом и хорошим тоном?

Не вполне доверяя своим собственным познаниям и опыту, мы поспешили обогатить их беседою с одним почтенным столпом общества.

— Гм... Собственно говоря, конечно, в сущности, так сказать, ребенка я не крестил, — ответил столп на наш вопрос о допустимости обряда крещения.

— Ну, а несобственно говоря?.. Наш уважаемый собеседник слегка задумался:

— Как вам сказать?.. Конечно, принимая во внимание предрассудки... Вообще, какой же в сущности смысл—вооружать против себя родственников и создавать, так сказать, атмосферу?..

Мы поспешили заявить, что смысл ускользает и от нашего понимания.

— Ну, вот, то-то же и есть! Так что, знаете, пришлось, разумеется, и понапригласить... И все вообще такое. В виде уступки окружающим, так сказать!

— Окрестили, значит, младенчика? Наш собеседник сделал изящно-протестующее движение:

— О, нет: это ведь тоже, как еще понимать!.. В некотором роде, конечно, как бы и да... Но, во-первых, знаете, кого я записал в восприимчивики?.. Одно лицо—иудейского вероисповедания, а другое—мусульманского, ха-ха!..

— Н-да!.. Хе-хе.

— Хи-хи!.. А, во-вторых, все это носило, так сказать, строго-домашний характер! Окрестили, нарекли Володею, но в «актах гражданского состояния» он записан вневероисповедным... Знаете, как я его там назвал?

— Красный Октябрь?

— Откуда вы знаете?—удивился наш собеседник.—Ну, да,—Красный Октябрь! И уж это, так сказать, официально, в райсовете зарегистрировано. А для до-

машних и для знакомых другого круга он—Володя, ха-ха... Но это, конечно, между нами!

Мы сочли свои познания пополненными в достаточной степени и закончили высоко-поучительную беседу обещанием никому о ней не рассказывать.

Не рассказывать, однако же, было нельзя. Обещание, данное одному гражданину хорошего тона, обязывало нас во всяком случае менее, чем чувство ответственности перед обществом, которому мы обязались преподать настоящий хороший тон.

И.И. Иванов.

Частушки.

Пссреди различных звезд
Крокодил летает
Крокодилиий сстрый хвост
Страхи нагоняет!

Напман по полю ходил,
Наслаждался травкою,
Крокодил его схватил
Красенькою лапкою.

Пять лимонов—денг мало,
Крокодилу их пошло:
Я вчера его читала.
Очень я его люблю!

219 (X)

Офицер (солдату):—Эй, голубчик! Мне нужно кой-куда сходить,—так Ты проводи меня, а то и туда ведь могут бомбу бросить!

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ РАССКАЗ.

— Почему вы не напишете рассказ из жизни горнорабочих?—спросил редактор журналиста Водопьянова.—Вы же знаете, что наш журнал идет в Донбасс, на Урал и Кавказ. Попробуйте написать что-нибудь горняцкое!

— Я же совсем не знаю горняцкого быта, и вообще не знаком с этой профессией. Я даже терминов горняцких не знаю!

— Это пустяки! Прочтите пару книжек, я вам дам несколько журналов и все будет прекрасно. Рассказ давайте ко вторнику. Жду!

— Хорошо... я попытаюсь... попробую...

— И пробовать нечего! Прямо катайте! Только чтобы интересная завязка и развязка. У вас выйдет!

Во вторник Водопьянов читал редактору свой первый горняцкий рассказ:

«ЖИЛА».

В большом светлом забое с плакатами и картинами на стенах в мягких удобных креслах сидели забойщики, тартальщики и конононы. Отдыхали...

Разговор лился, как струя нефти на вышке. Говорили о выполнении задания, о рудничных лампочках и о прочих мелочах горняцкого быта.

Вдруг вбежал запыхавшийся сановник Зарудный, неся в руках огромный кусок золотой руды.

— Братцы, жила! Жила!—закричал он в иступлении.

Сначала его не поняли:

— Кто жила? Что у тебя зажили? Но когда он тут же на глазах товарищей старательно промыл руду и из нее посыпался чистый золотой песок, для всех стало ясно:

— Жила—золотая! Зарудный нашел золотую жилу и попал в отвал! Счастливица обступили. В воздухе запахло гремучим газом.

— Где ты нашел это богатство?—посыпались вопросы, как куски породы, отрываемые каплом.

Зарудный от волнения не мог сказать ни слова. Мигом достали клеть и усевшись в ней поехали по указанному Зарудным пути.

Ехали долго через штольни, шахты, рудники, через темные коридоры, где капала вода и скреблись мыши. Ничто не могло остановить храбрых героев-горняков.

Наконец, Зарудный остановился у маленькой желонки.

— Здесь!—сказал он взволнованно. Сейчас же вызвали запальщика, пробили каплями дыру и заложили фитиль, закрыв его сверху буркой.

— Пали бурку!—крикнул Зарудный, зажимая уши и раскрывая рот, чтобы не оглохнуть. Крепильщик плотно привязал всех друг к другу: он занимался крепежом десять лет и знал свое дело. Бурка загорелась, дыма и чада...

Вдруг оглушительный взрыв потряс всю желонку: массивные куски породы взлетели как перышко на воздух... Все были ошеломлены.

Первым очнулся сановник Перепрягин.

— Братцы, — смотрите. Вот она, жила-то!

Действительно—горняки стояли по колено в золотом песке. Общая радость не знала предела.

Только минут через десять все вспомнили о Зарудном и стали искать его.

Оказалось, он оторвался от крепежа и ударился головой о тяжелый кусок железной руды. Он лежал, прикрытый еще недогорелым куском бурки, и говорил тихо и торжественно:

— Товарищи, я умираю. Передайте мою жилу нашему профсоюзу, губпрофсовету и вещеэспес.

И минуту спустя глубоко под землей раздался торжественный и печальный похоронный марш Шопена.

А на земле сияло солнце и пели цветы. Был май.

А. Водопьянов.

— Замечательно, сказал редактор, когда Водопьянов кончил свой рассказ.—Мы пустим его в ближайшем номере.

Через неделю Юзовские шахтеры, прочитав рассказ Водопьянова, ругались крепко и смачно. Забойщик Николаев предложил отправить в редакцию телеграмму.

— За рассказ «Жила» — следует вытянуть все жилы из автора. И то будет мало.

Телеграмму отправили.

А Водопьянов пишет теперь рассказ из жизни металлистов и повесть из жизни текстильщиков.

Вас. Лебедев.

ПЕТРОГРАДСКАЯ ВЕСНА.

*В порту ломая льдины с треском,
Весна Внешторгу бьет челом,
Поет любовь на бывшем Невском
И... учиняет сердца взлом.*

*Возов дымящих вереницы
Бегут вдоль свалочных канав,
Эпидемической страницы
Не открывал еще Губздраз.*

*Заря, полночи белой роза,
Встает влюбленным на пути,
Под взглядом нежным Откомгоза
Готовы парки рацвести.*

*Покорный тайному желанью,
Пустить в простор уisce готов
ОКПС по расписанью
Сто сорок дачных поездов.*

*Не смейте улыбок ярких Солнца,
И только тресты в день весны
С тоской глядят на куры червонца,
Валютной пляской смущены.*

*Ни дни войны, ни голод-Калин
Не затушили нам горна,
В дыму воспрянувших окраин
Трубят заводская весна.*

*Звезда горит веселым блеском
Над обезглавленным орлом,
В порту ломая льдины с треском,
Весна Внешторгу бьет челом.*

Александр Флит.

СКАЗАНИЕ О ВОЗДУШНОМ ФЛОТЕ.

С прологом и эпилогом.

ПРОЛОГ.

Люблю Москву в начале мая,
Когда мотора мерный гром,
Как бы резвясь и играя,
Грохочет в небе голубом.
Тот оторвался от работы,
Тот бросил завивать усы.
Земные позабыв заботы,
Задрали граждане носы.
Зыстыл приказчик с разновеском,
Сапожник бросил свой чулан;
Сверкая серебристым блеском,
Взвивается аэроплан.
Летает в голубом просторе,
И мысль уносится туда,
Где в удивительном моторе
Ты слышишь музыку труда.
Какой порыв, какая сила
В тебе сокрыта, человек,
Тебя неволя не сломила
И рабство не сомкнуло век.
Глядел в тюремное оконце,
Забыв и плаху и костер,
Взывая к огневому солнцу,
Где воля, ветер и простор...

«Товарищи, на то похоже,
Что он с высоких начал нот,
Подумаешь, распелся тоже,
Решил воспеть воздушный флот.
А ну возьми-на тоном и же,
Ишь затянул на целый год!
Тебе дано шутить, шути же,
Не надо нам высоких од.
Ты нам о том поведай чуде,
Что человек творил, как тать,
О том, как полетели люди
И как мешали им летать!»
Так молвил Крокодил со шкафа
(Не он, а лишь его портрет)
И гнев его ужасней штрафа,
А слово каждое—декрет.

ГЛАВА ПЕРВАЯ—ВРЕМЕНА ДОИСТОРИЧЕСКИЕ.

Пускай реклама, пусть шумиха,—
Писание глаголет нам,
Что ангелы летали лихо
И возносились к небесам.
Летает ангельская стайка,
Святой ключарь покажет нос
И зычно скажет: «Эй, слетай-на—
Купи десяток папирос!
Мы—свыше заняты делами
И не летать же нам самим.
Для этого с шестью крылами
Есть шестикрылый серафим».
Позавтракав краюхой хлеба,
Собравши узелок белья,
В небесном Юнкерсе на небо
Является пророк Илья.
«Летает жук, летает птица
И всякая летает тля,

А ну-ка, покажи, возница,
Что значит мертвая петля».
И вот жука и птицы плеще,
Доставленный в кратчайший срок
В небесные, густые кущи,
Является Илья пророк.
Да, граждане! Во время оно
Был авиации расцвет.
Не и Аврааму ль из Сиона
Слетел архангел дать совет?
И нему весьма явился кстати
Ягненок жирный—сущий бын,
Когда из своего дитяти
Решил устроить он шашлык.
С тех пор (не знаем, где причина,
Поведай, сказочник-болтун...)
Особа ангельского чина
Над миром больше не летун.
Отныне не летает каждый
Над морем, над разливом рен.
Однако, осмелев однажды,
Замыслил то же человек.
Его ль не посетила кара?—
До солнца долетев с трудом,
Свалился самолет Икара —
«Дедал и сын—торговый дом».
Все это описал историк,
Воспела местная печать,
Решив, что знанья корень годеи
И что двуногим не летать.

ГЛАВА ВТОРАЯ—ВРЕМЕНА ИСТОРИЧЕСКИЕ.

Дозельно сказок! Делу—время.
Отныне был мы воспоем.
Что людям затесалось в темя,
Того не выбьете дубьем.
«Летать подобно высшим силам,
С ветрами вольными шутя,
И удирать от нас и светилам...
О, неразумное дитя...
Стоп! За живое нас задело...
О, дерзновение толпы»...
И первыми вмешались в дело
Международные попы.
Гласит поповское поверье,
Что, вредных нахватав идей
На крыльях из куриных перьев
Взлетает Симон-чародей.
И это до того забесило
Еще апостола Петра,
Что он в сердцах, собравши силы
Молился с самого утра.
Волшебник треснул о землю
И умер, испустивши дух.
Но я не всякий слух приемлю,
Зане не достоверный слух.
Смешно об этом слышать нынче,
И бредням положил конец
Художник Леонардо Винчи,
Механик, мастер и мудрец.
Ложь осмеять могу теперь я,
Но как, почти что наугад,
Отвергнуть старые поверья
И чуть не пять веков назад!..

С тех пор, какой бы тяжкий жребий
Путей исканья не пресек,—
В мечтах о крыльях и о небе
Неугомонный человек
Ломает голову и ноги
И все же ргеется в облака,
Идет на новые дороги
В глухие темные вена.
Паденье, плаха-ли, тюрьма-ли,
Но ум искателей остер
(По ны, конечно, не дремали
И их тащили на костер).
Летает мышь, летает птица —
Летит орел за облака
И о воздушной колеснице
Мечтают долгие вена.
Сочтут началом новой зры
Весенний вечер на заре,
Когда взлетят Монгофлиеры
В своем воздушном пузыре.
Но не окинешь сразу глазом
Все, что механик изобрел,
Пока пузырь, надутый газом,
Сбил металлический орел.
Смотри же на стальную птицу,
Когда летит за облака —
В бль обратили небылицу,
Трудясь не годы, а вена.

(Продолжение следует).

Лев. Никулин.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ
НА
АЭРОПЛАН
„КРОКОДИЛ“.

ПОДПИСКА НАЧАЛАСЬ.

Литераторы и художники

„КРОКОДИЛА“

жертвуют на постройку аэроплана весь гонорар за вещи, предназначенные к помещению в специальном, посвященном аэроплану, выпуске

„КРОКОДИЛА“.

От читателей за 8-е мая поступило (по Москве): от тов. Н. Калинин—10 р., от тов. С.—5 р., от тов. Давида Ф.—25 р.

НАМ НУЖНО
МНЕНИЕ НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ О ЖУРНАЛЕ
„КРОКОДИЛ“.

Товарищи читатели!

Напишите нам срочно:

1) ЧТО НЕ НРАВИТСЯ В „КРОКОДИЛЕ“.

Какие рисунки.
Какие рассказы.
Какие стихи.

Чего не хватает в „Вилах в бок“ и „Страничке читателя“ и о чем надо больше в них писать.

2) ЧТО НРАВИТСЯ В „КРОКОДИЛЕ“.

Мнение о рисунках.
Мнение о рассказах.
Мнение о стихах.

Ответы направлять по адресу:

Москва, Охотный ряд, редакция журнала „Крокодил“.

Польские „фошисты“.

В Варшаве маршалу Фошу было преподнесено звание польского маршала.
Из газет.

Рис. Д. Моора.

Фош:—Я согласен быть маршалом Польши но для этого мне нужны французские солдаты.

На левой выставке.

(Заметки „не специалиста“).

— Ты сейчас свободен?
— Свободен. А что?
— Пойдем, заглянем на выставку левых.

Вошли.

При входе я зацепил рукавом за какую-то жестяную трубу—она со скрипом вздрогнула.

Мы невольно обернулись.

Перед нами было что-то темное, мрачное...

Хищный конус пронзал бок мирно спящего куба. Клубок жестяных труб, подобно удаву, предательски впилился в ребро куба.

— Что это такое?—спросил я у своего друга—художника.

— Это? Это скульптура.

— Да что ты—какая же это скульптура?

— А что же по твоему?

— Да просто еще несобранная печка. Разве ты не видишь, вот сюда кладут дрова... вот труба... задвижка.

— А конус?

— Гм... Конус. Возможно, что какой-нибудь усовершенствованный дымоход.

— Тебе нравится «Жница»?

— Где?

— А вот напротив.

— Ты серьезно уверен, что это жница?—спросил я.

— Ну, конечно, если женщина, с серпом в руках стоит около ржи, то, вероятно, она жница. Но это не важно, лучше посмотри, как художник гениально разрешил стационарность фигуры. Ему нужно было изобразить фигуру, крепко и прочно стоящую на земле. Как же он это делает? А чрезвычайно просто: увеличивает ступню ноги в три раза. И вот эти две ступни у жницы, которые ты, вероятно, по простоте своей, принял за копыта носорога, на самом деле являются исходным пунктом к пониманию гениально выполненной задачи.

Дальше набрали на большее холотно с зеленым рабочим. Я хотел было тайком пройти мимо, но мой друг схватил меня за рукав.

— Подожди, осталась еще целая комната, самая интересная.

В комнате на стенах плясали цветные треугольники, тупо смотрели черные квадраты. Мы остановились перед небольшим полотном и тихо замерли.

На хорошо покрытой белой поверхности была приклеена конфетная бумажка; из-под нее рокотливо смотрел обрезок кружев; громадная пасть ножниц намеревалась проглотить бедную бумажку и кружева.

На куске ситца, приклеенного в углу картины, мы заметили иголку и великолепно написанную катушку ниток.

— Нравится?

— Как тебе сказать...

— Ну ты, вероятно, не понял замысла этой картины. Видишь ли. Гнилой реалист для того, чтоб изобразить портниху за работой, первым делом написал бы самсе портниху, а затем иголки, нитки и прочее—все это банально и неинтересно. А вот этот талантливый левый художник подходит к такому же сюжету смелее и красочнее. Ты видишь, самой портнихи нет, есть только ее «орудия производства». Пойми только, какая великая социальная мысль!... Человек убит машиной. Личность растворилась в «орудиях производства»—ее нет. Вот эта конфетная бумажка, что

Рис. Из. Малюткина.

— Нет, в левом искусстве—что-то есть. Вот смотри: эта картина называется «Сосна солнцевеющая»,—и действительно—сосной так и несет!

— Да это от рамы: новая она и только что со скипидаром прокрашена.

ты видишь—это слабость человеческая, последний крик умерщвленной личности.

Потлиха съела конфету—бумажка осталась на ее рабочем столе. Художник и налепил ее здесь, чтобы показать, что личность еще существует, но существует только в своей слабости...

У двери я опять зацепил за хищный конус—он вздрогнул.

Н. Мосвин.

В картинной галлерее.

(Наброски с натуры).

В Румянцевской галлерее перед картиной Иванова «Явление Христа народу» группа красноармейцев с руководителем. Объяснения дает политрук:

— Товарищи, вы видите перед собой опиум. Скажи, Федорчук, что есть бог? Или, например, Иисус. Не можешь? Бог—есть миф и опиум для народа. А что такое эта картина? Затемнение народных масс,—вот что! Сидоров, здесь курить не дозволено, кури в карман. Какое сейчас международное положение, а почему? Пуанкаре. Или картину возьми. С чего дурману напущено? А потому,—буржуи, помещики и прочие золотопогонники. Только теперь власть рабоче-крестьянская, не подковырнешь! Федорчук, понятно я говорю,

— Так вот, я же вам говорю, что это картина Иванова. Теперь таких не пишу. Разве большевикам это нужно. М-х-х, не грызите семечек, вы не в комсомоле. Посмотрите, сколько настоящего, святого чувства вложено в каждое лицо. Сразу видно, что картина написана человеком, проникнутым глубоким религиозным настроением. Перельман, не смейтесь, здесь вам не синагога.

К картине приближается человек в кожаной куртке.

— Дети,—продолжает педагог, повышая голос,—эта картина есть только дагь религиозным гурдасудкам. Ныне же, когда церковь отделена от государства, благодаря стараниям...

Флуга в кожаной куртке отходит.

—... проклятых большевиков,—заканчивает педагог,—а нужданныя толпа попирает нгами свои святыни.

Публика *меняется. Парень неопределенной наружности самоуверенно говорит:

— Фактуры в ней никакой нет, да... И притом, разве это композиция? Или колорит, допустим...

— Дозвольте послушать сведующего человека—почтительно подходит гражданин в котелке:—вы, должно, в Академии обучаетесь?..

— Гм...—заминается парень:—зачем в Академии? На Трубной картинами торгуем, с измалолетства. Потому и понятие есть...

К картине быстро направляется мужчина с револьвером на ремне.

— Ага,—свирёно бормочет он,—попались голубчики!

— Товарищ,—обращается он к сторожу,—вызовите ко мне заведующего.

— Их нет,—недоумевает сторож.

— Тогда заместителя, дежурного, наконец...

Через пять минут является перепуганная кассирша.

— Это что-с,—злорадно спрашивает неизвестный,—икона...

— Помилуйте, какая икона,—оправдывается кассирша,—ведь это картина Иванова.

— Картина?—недоверчиво повторяет человек с револьвером,—а почему на ней бог? А почему в общественном месте висит? Я,—выходит он из себя,—член Козьбродского волостного совета, и не потерплю.

Неизвестный достает из кармана пачку удостоверений, вынимает записную книжку, записывает фамилию кассирши и начинает составлять протокол.

Сезн.

РЕЗОНННЫЙ ДОВОД.

В Рурской области Германии, находящейся теперь во власти Франции, французские власти конфисковали в городах Гаген и Бармен зерно, поступившее в виде подарка голодающим рурским рабочим от рабочих России.

Из газет.

Рис. М. Черемных.

„ОБЩЕСТВЕННАЯ“ ЖИЛКА.

В московский городской отдел ГПУ поступают заявления от бывших заводчиков о разрешении им образовать «Общество ревнителей французской литературы 18-го века» и от бывших генералов о разрешении им образовать «Общество любителей хорových квартетов» с распространением на всю территорию Республики.

Московский день. Чуть тает. На Лубянке у стола «Регистрация (обществ)» — не совсем обыкновенный посетитель. В валенках, шапке с наушниками, с разносит и книгой. На шее широкий модный в полску шарфик, в зубах — сигара.

Из «кающихся репатриантов». Амнистированный и вернувшийся. В лице — трогательная готовность и благонмерность...

— Чем могу?

— Заявительнице... насчет общества, дорогой товарищ.

— А в чем дело?

Посетитель, деликатно и кашливая, развернул лист.

— Общество... «Общество любителей псовой охоты на попугаев в тундрах Сибири». Учредители: председатель — бывший великий князь Николай Николаевич, Марков второй, Борис Савинков. Широкий план действий. Собственное издательство. Собственный флот. Армия. Средства сообщения. Деятельность на всей территории... Просят разрешить.

— М-да... Оставьте...

— Еще общество. «Общество ревнителей изящной словесности и литературы Мозамбикского полуострова». Колоссальные просветительские задачи. Собственные аэропланы, бронепоезда и заводы взрывчатых веществ. Учредители: П. Н. Милюков, И. Гессен, Гучков... Разрешите?..

— Оставьте...

— Вин ват. Еще общество. «Общество любителей игры на

Пуаннаре: — Рурским горячкам прислали зерно из С.С.С.Р. Не знаю, как быть?

Генерал Дегут: — Да зачем им зерно? Все равно я их расстреляю! Конфискуйте это зерно в нашу пользу!

контрабасе в лунную ночь» с отделениями во всех губернских, уездных и портовых городах. С правами высадки десанта, интервенции и прочего. Учредители — Керзон, Пуаннаре...

— Сядьте...

— За что же?..

— Разберут.

Милые любители хорových квартетов — бывшие генералы!..

Как известно, генералы всегда обожали хорových квартеты, а бывшие заводчики все поголовно ревнители изящной литературы 18 века.

Как приятно видеть общественную жилку у таких элементов, которые ранее объединялись дома за зеленым полем...

Дадим же возможность объединиться их приятному изысканному обществу в МГО ГПУ.

Эн.

Расчетливый хозяин.

Рис. М. Черемных.

В деревнях устанавливается „праздник древонасаждения“: в этот день каждый крестьянин должен посадить по дереву. В некоторых волостях на этом основании произвели порубку и раздел бревен.
Из пров. газет.

— Ты, баба, дакось топор... Я таперича кажную ночь караулить буду, пока не вырасте... А то наши односельцы невольге срубят и в раздел пустят...

ВИЛЫ В БОК.

Вместо «ура» — «караул» кричал.

В одном рассказе Чехова некий околоточный надзиратель узрел на базаре собаку и вознамерился ее подцепить под жабы. Разговор шел вроде этого:
— Это портного собака, ваше благородие...

— Портного?! Уничтожить!.. И вид-то у нее паршивый!

— Н-нет, кажись это пристава собака.

— Да ну? То-то такая миленькая собачка! Ишь!

Орган тверского Губкома, «Спутник коммуниста» оказался в положении этого чеховского героя.

В Вышнем Волочке газетка «Наш край» перепечатала из «Крокодила» стихотворение «Сокращение», поставив подпись В. К. «Спутник коммуниста», разбираясь в работе уездной газеты, разделал под орех «Наш край» за стихотворение «Сокращение», — в таком роде:

Таких недоуменных записок можно найти в «Нашем Крае» очень не мало. Это подтверждается и № 9, где помещено курьезное, безграмотное стихотворение, типа маленького фельетона, под заглавием «Сокращение», где автор, никий В. К., пишет:

Опять по учреждениям—
И здесь и там и тут,—

С усердием и рвением
Кипит веселый труд...

(приведено полностью).

Спрашивается, как могла редакция советского органа допустить подобный перл, по смыслу своих заключительных строк язвущий над будущими безработными, хотя бы и барышнями из отделов? Что называется, дано по басам. Дальше ехать, пожалуй, некуда.

О, если бы «Спутник коммуниста», знал, что стихи эти были в «Крокодиле». Наверно он их похвалил бы!

Люди, думающие басом.

Тифлисская газета «Рабочая Правда» — газета с африканским темпераментом.

В одной из городских заметок ее «хроники» напечатан черным по белому следующий перл:

«ВЫХОД ОДИН — БЕЙ ЖИВОДЕРОВ!»

Чтобы вырвать крестьянина из цепких лап кровососов, есть одно единственное средство — снабдить районного комиссара милиции властью: срочно в административном порядке разрешать споры между крестьянами и мясниками. Были случаи, когда комиссар по своей инициативе давал мяснику понюхать милицейский кулак, и тотчас же крестьянин был удовлетворен.

Это надо ввести в систему.

Недаром в Тифлисе испокон веков существует хлебосольная декларация:

— «Приходи, дюша мой, в гости: ми тебе резить будем!»

Два диагноза.

В Кимрах при рабочем клубе организован великорусский оркестр, в программе которого, на первом показательном вечере 17 апреля, между прочим исполнялось «Анданте Религиозо» — Чайковского, с колокольным звоном.

«В русском человеке была, есть и будет склонность к мистическому» — сказал перед выступлением оркестра руководитель его гр. Синюшкин.

Пусть нас бог рассудит!

В Кимрах, кроме мистики, Было, есть и будет Марево глупистики!..

Чем начальство тешится.

В Нижне-Солдинском заводе (На Урале) катастрофа. Заводуправление пишет правлению треста:

В самом срочном порядке вышлите чернильницу каслинского литья, в которой ощущается острая нужда.

И подумать только, от какого пустяка зависит жизнь нашей индустрии. Будет чернильница — все хорошо, нет чернильницы — не выйдут рабочие, встанет завод, прекратится отчетность.

Хорошие хозяйки по весне проветривают зимнюю одежду. Заводуправлению пора проветрить мозги.

Блажен, иже и скоты милует.

„Витрину оглазев—покупайте „Леф“; вечером сев, читайте „Леф“; хорошая книга, а то с какой стати—стали-б плохую издавать в Госиздате?“ Из рекламы журнала „Леф“.

Гис. Д. Мельникова

Мещеряков:—Я, вообще, люблю собачек, в особенности таких резвых, как вот эта! Согласен ее прикармливать на Госсчет.
Маяковский:—Се—Леф, а не собака! Нам только „рубль дай“, а прокормим себя мы сами.

АНГЕЛ КРОТОСТИ.

Что вы все ругаете нэпачей?— послушать вас, так среди них только мразь какая-то. А вот позвольте, расскажу про нашего Сысой Сысойча. Вот это человек! Чтобы он обидел хоть одного рабочего! Чтобы он забился о свсем кармане? Чтобы он драл с кого-нибудь три шкуры? Да никогда!

Мало того, сам с утра до вечера в трудах, сам никакой работой не гнушается. Намедни встречаю его, а он, извините за выражение, на бочке изволил ехать! Я так и присел — Сысой Сысойч, вы ли?

— Я — говорит — и зазорного в этом ничего нет, потому бог труды любит!

Это он - то! Стотысячник - то по мирному времени. И вдруг, на бочке и такое бодрое настроение.

В другой раз смотрю, артель работает, балли таскает и среди артели, кто бы вы думали?— Сысой Сысойч! И это вам не в двадцатом году, — когда снажут тебе «в порядке трудовой дисциплины» и гони марш на работу, — а теперь, в двадцать третьем, неделю тому назад!

— Бог, — кричу ему, — в помощь! А он в ответ, — что бы вы думали: — Сделайте, — говорит, — одолжение, не поминайте при мне бога, потому как я на него весьма недоволен.

Вы это понимаете? То ктитором в церкви был, а теперь до того проникся революцией, что про бога и слушать не хочет.

— Вот — говорит — видите рабочих? Куда они, туда и я. Всегда с ними. Из одного котла ем, рядом сплю!

Нет-с, голубчики, ругаете, так ругайте с осторожностью, нет правил без исключения!

— Позвольте, — перебили рассказчика, — где же вы нашли такое сокровище? Где оно сидит?

— Сидит оно уже три года в тюрьме за спекуляцию и не я его нашел, а сам Ревтрибунал. То - то и оно с! И среди нэпачей бывают такие светлые личности — что вам до них, как земле до неба.

Евграф Дольский.

Библиотека „Крокодила“.

Выходят в свет:

- 1) „Балда“ и др. сказки для взрослых.
- 2) „Пятачок погубил“ и др. рассказы.

Печатаются:

- 1) Вас. Лебедев. — „Портрет гражданина Неудобнова“. Рассказы. Обложка Д. Мельникова.
- 2) И. Кремлев (Свэн). — „Консул вилайета Веравул“. Рассказы.

Вам, милые юноши и девушки (партийные и беспартийные), живущие в провинции, вздыхающие о Москве, где «жизнь бьет ключом», где земля становится дыбом, где в Доме Союзов сорок тысяч профессоров читают сорок тысяч лекций, где на каждом углу имеется пивная, а в каждой пивной хор, где днем и ночью в Гуме играет музыка, а в небе реют аэропланы, где, наконец, в Охотном Ряду живет симпатичный зверь «Крокодил», — посвящается эта повесть об Иване Захолустине, которому выпало счастье попасть в Москву.

Захолустин получил в учреждении двухнедельный отпуск и триста пятьдесят миллионов — аванс в счет жалования, на базаре пятьсот миллионов за пиджак и зимнее пальто и полтораста займы от приятелей.

Дрожа от радости, как комсомолец, впервые увидевший Бухарина, Захолустин в сотый раз пересчитал свое состояние — миллиард! — уложил вещи в старый потертый чемодан, сунул в карман письмо для передачи в Москву товарищу Прытыкину: Мамоновский переулок, дом 12, квартира 33, второй переулок на лево по Тверской, если идти от Страстной площади к Триумфальным воротам, и помчался на вокзал.

Смеялось майское солнце, смеялись деревья, обрызганные зеленью, смеялась рожа клоуна с цирковой афиши, наклеенной на заборе, и не могли не смеяться, — такой забавный вид был у Захолустина, спешившего на вокзал, подгоняемого боязнью опоздать на поезд.

— Билет до Москвы! — срывающимся голосом крикнул Захолустин в окошечко кассы, — только поскорей пожалуйста!

Кассир лениво поднял голову, медленно достал билет, медленно (о, чорт!) сунул его для пробивки, затем неторопливо начал что-то писать и, наконец, (наконец-то!) медленно сказал:

— Триста пятьдесят рублей

Захолустин, перебиравший от нетерпения ногами, замер, сделал круглые глаза и дрогнувшим голосом спросил:

— Почему триста пятьдесят?

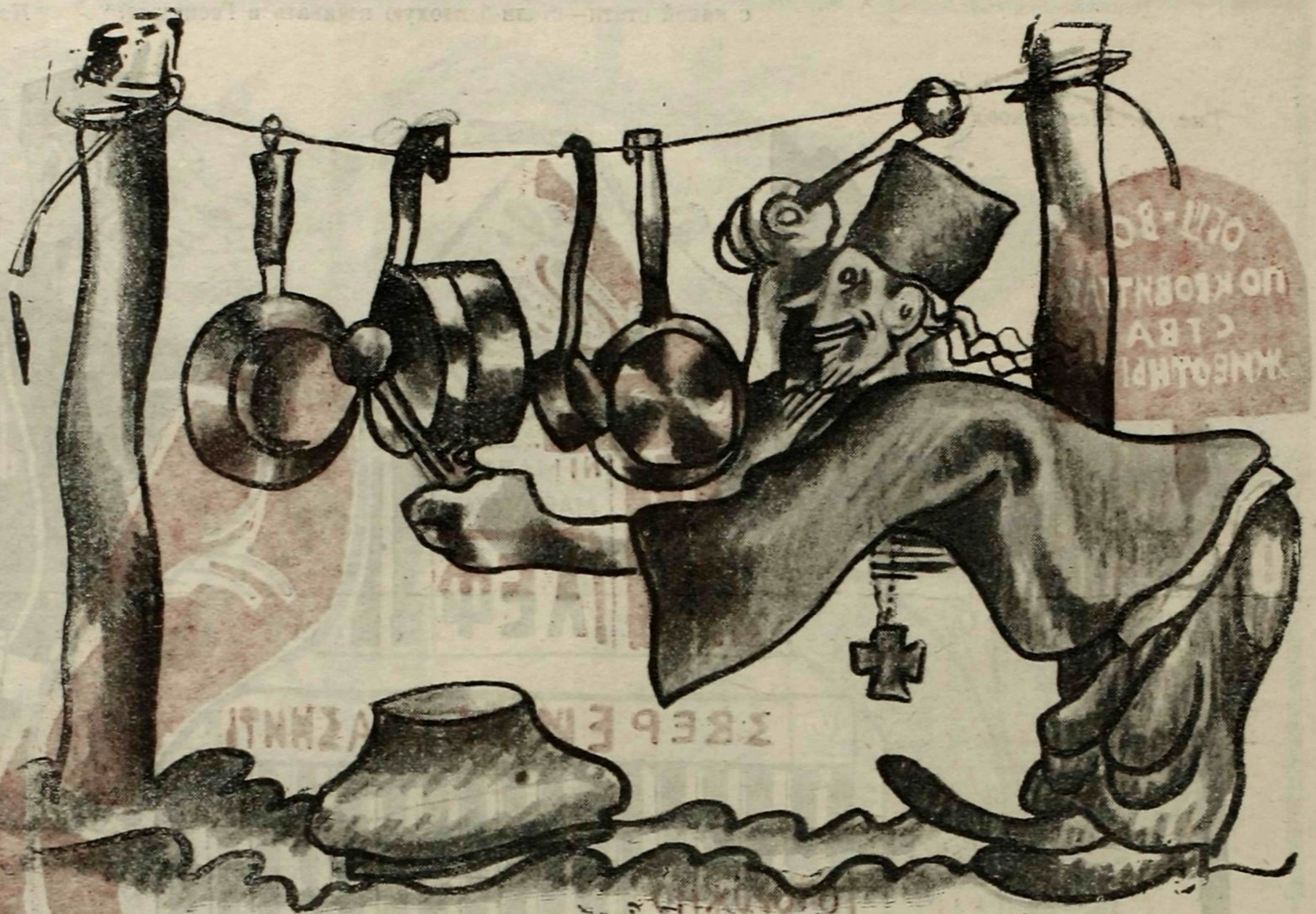
— Со вчерашнего дня, — лениво процедила кассир, — тариф повышен на пятьдесят процентов.

— Триста пятьдесят туда, да триста пятьдесят оттуда, — быстро прикинул в уме Захолустин, — это будет семьсот. Остается триста. Квартира у Прытыкина бесплатно...

Захолустин со злобой швырнул в окошечко деньги, схватил билет и помчался на перрон.

Неинтересно рассказывать о том, как в вагоне Захолустин устроился на верхней полке, как сейчас начал закусывать, потом лег спать, проснувшись, опять закусывал, бегал на станциях за ки-

Рис. И. М.

— На бесколокольи и кастрюля — колокол!

В сельских церквях не редки случаи продажи колоколов на культурные нужды.

пятком, глазел в окно на бегущие мимо бесконечные поля и опять закусывал и спал.

Перейду прямо к тому моменту, когда Захолустин ступил на перрон московского вокзала, в правой руке держа чемодан, а левой придерживая бьющееся сердце.

— Так вот она — Москва! — мысленно воскликнул он и ринулся к выходу.

Бедный Захолустин! Он не знал, что провинциала, попавшего впервые в Москву, встречает не почетный караул с музыкой, а прозаический милиционер, вежливо, но твердо требующий стать в очередь для взвешивания ручного багажа. Строгий, как английский судья, железнодорожник пишет квитанцию и кудрявая барышня пищит из окошечка будки:

— Запол-фунта излишка в весе сто двадцать три рубля двадцать две копейки!

— Триста минус сто двадцать три рубля двадцать две копейки, — прикидывает в уме ошарашенный Захолустин, — это будет... это будет...

Закончить вычитание мешает волна пассажиров, подхватившая Захолустина и вынесшая его на вокзальную площадь, как раз к моменту штурма трамвайного вагона.

У Захолустина нет опыта, нет умения четкими, рассчитанными движениями сбивать с подножки пассажиров, тыкать в спины чемоданом и лезть по головам внутрь вагона.

Захолустина мнут, тискают, бьют в бока кулаками, локтями и вещами. Захолустин слышит грозный голос кондуктора: — Куда прешь с вещами! Нельзя! Нельзя, тебе говорят! Эй, милиционер! — и отступает в линии извозчиков

для того, чтобы узнать, что он — Иван Захолустин — не гражданин, приехавший в Москву из глухой провинции, а «барин», «ваше сиятельство» и еще что-то такое высокопоставленное, за что два года назад сажали в Чека.

— Ваш сиясь! Куда прикажете?

— Пожалте, ваш сиясь!

— Сюда, барин! Сюда!

Извозчики не только кричат, они дергают Захолустина за полы пальто, за рукава, за чемодан. Обалдевший Захолустин, как кукла, болтается в кругу бородатых, ласково зазывающих дядей и, наконец, попадает в цепкие объятия старичка, кричавшего вначале: «Сведу за сотню!», а теперь вкрадчиво шамкающего на ухо Захолустину

— Пожалте, барин, красенькую

Безвольный, истерзанный, как слушатель трехчасового доклада о текущем моменте, Захолустин плюхнулся в фаэтон, такой же старый, как его владелец, и поехал.

Это была поездка минут на двадцать короче времени, потраченного на переезд от родного города в Москву. Извозчик ритмично чмокал губами, дергал вожжами, лошадь ритмично трюхала: пол-часа, час, два... К вечеру приехали на Мамоновский переулок.

Конечно, в доме номер 12 квартира 33 никакого Прытыкина не оказалось. Конечно, Прытыкин пол-года назад выехал в Ташкент

Медленно, как будто его вели вешать, Захолустин спустился с третьего этажа, медленно поплелся по Тверской и, пройдя пол-квартила, остановился в изнеможении у двери пивной

Залихватски дзеренькали трамвай, рывкали и завывали проносившиеся автомобили, торопливо бежали прохожие

Захолустин, как сомнамбула, вошел в пивную, голосом умирающего попросил пива и сосисок и под рев трех огромнейших гармонь, аккомпанировавших хору, зарыдал, уткнувшись носом в тарелочку с моченым горохом.

Что было потом? Подробно тяжело рассказывать. Скажу кратко.

Захолустин продал на Сухаревке чемодан и вещи, Захолустин ходил по квартирам, звонил и грустным голосом выпрашивал «хоть пару миллионов, не хватающих для покупки билета», ночевал на набережной, на вокзалах, по-прошайничал на улицах, и, наконец, зайцем вернулся в свой родной город.

Здесь он пользуется необыкновенным уважением. Его приглашают в дома, где есть юноши или девушки, вздыхающие о Москве, усаживают на почетное место, кормят ужином и когда Захолустин, насытившись и закулив папиросу, откидывается на спинку кресла, умоляюще просят:

— Ну расскажите про Москву!

Захолустин пускает в потолок дым, мечтательно молчит и потом торжественным голосом повествует:

— О, Москва! Как трудно рассказать о тебе, сердце мировой революции! В день моего приезда на Красной площади был парад, который принимал Троцкий. В небе было не менее двухсот аэропланов. Мы с Прытыкиным, у которого я остановился, проехали туда на автомобиле.

Вечером пошли в Дом Союзов, где был диспут с выступлением Демьяна Бедного, Луначарского, Радека, Сосновского, Мейерхольда, Голейзовского и Маяковского.

Потом мы ужинали в ночном ресторане. Лакеи, цветы, музыка. Заплатили два миллиарда. На другой день мы летали над Москвой на Юнкерсе—ощущение потрясающее. Вверху облака, внизу город, люди—букашки. Вечером слушали радио-концерт. О, Москва! Вот, где жизнь! Вот, где биение пульса! А здесь, у нас!...

Захолустин обводит слушателей взглядом, полным жалости, и говорит:

— Болото! Ужас! О, Москва, Москва!

И слушатели—юноши и девушки—пожирают Захолустина глазами, из которых сочится зависть, и протяжно вздыхая, шепчут:

— В Москву! В Москву! *Архип.*

СТАРАЯ ПОГУДКА

Рис. И. М.

Раз я в церковь шла,

В страшных дебрях Москвы.

(Доклад лорда Заврайля).

Английские консерваторы распространяют слухи о безлюдьи одичалой Москвы.

Из газет.

*Бураны на улицах рвут и мелют,
Жгут градусов в 300 морозы—
Раскрыв свои пасти, профсоюз бредут
И воют на льдинах завхозы.*

*Свой хобот подняв, обнаживши клыки,
За серной бегут моссельпромы—
И с белым медведем у черной реки
Грызутся во тьме упродкомы...*

*Мохнатые гумы, махая хвостом,
Рвут мясо лесных рабкоопов,
Да с грозным рычаньем нацмен и местком
Бегут за стадами губтопов.*

*Свирепые вриды в крови на ногтях
Сидят на развесистых клюквах,
А голые люди с лаптями в ноздрях
Бредут в сталактитовых бруквах...*

*В пустынных пещерах, добычи ища,
Ползут средь камней госиздаты,
А рядом над темною бездной борща
Рабкоры грызут наркоматы.*

*В Охотном лесу крокодил, как змея,
Глохнет пернатых губздравов,
А дальше—пасется, цекраны жуя,
Табуны полудиких замзавов.*

*Ползут комсомолы с шипением кобр...
Дыша, как огромные крабы,
Из нер выползают лэхматый профобр,
Хозупры и жуточные цкрабы.*

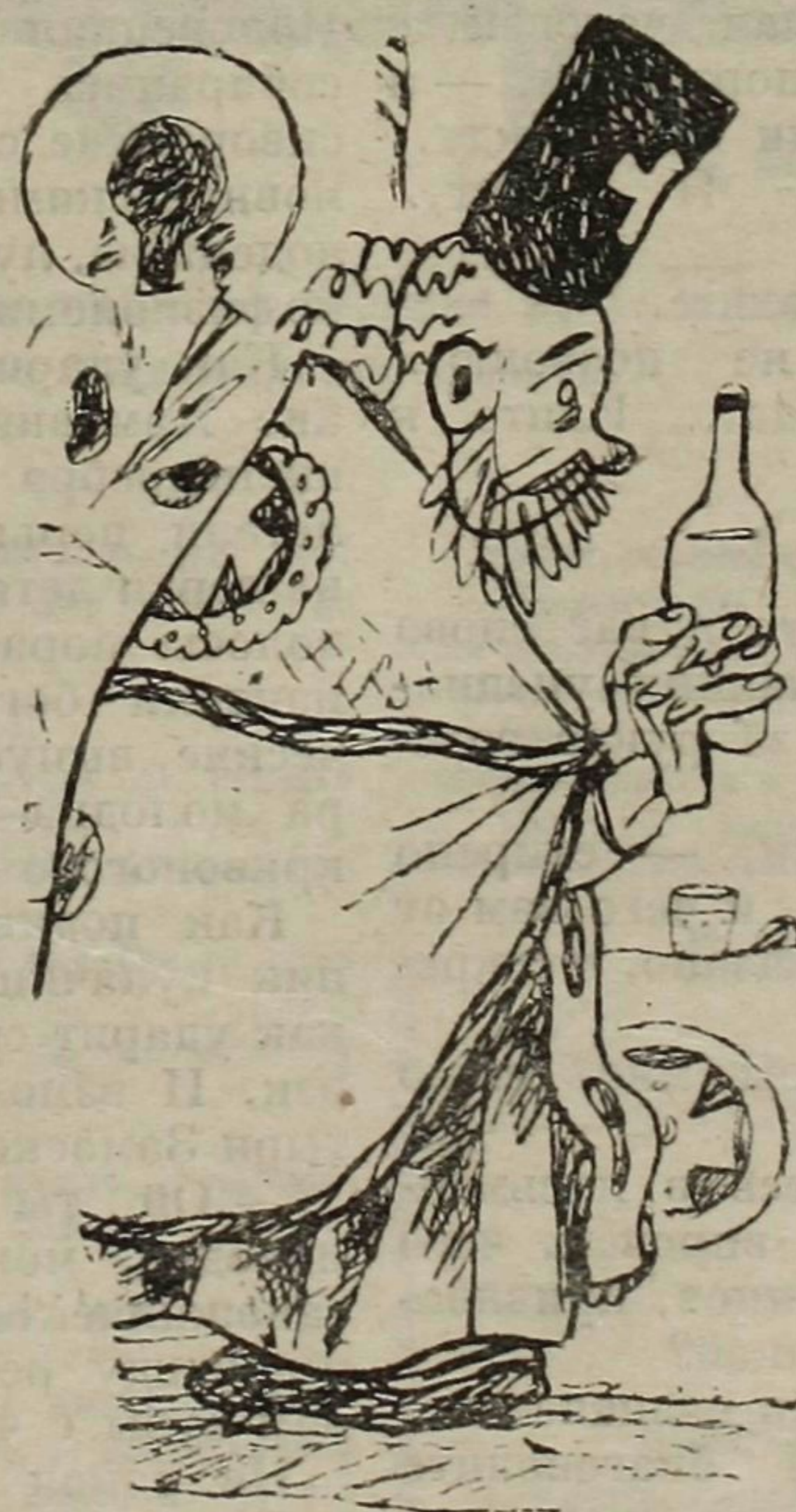
*За чизиском с криком средь темных небес
Несутся два страшных муура,
И в клюве несет кровожадный могос,
Махая крылами, совдура...*

*Резущий губспец и пятни тый наддив
Едят у ручья бегемота...
Когтистую лапу в мастфора вонзив,
Рычит сокобес у болота.*

*В е дико, все страшно там, в джунглях
Москвы!*

*Люд вымер весь в жуточных кошмарах,
И воет лишь ветер средь желтой травы,
В сосновых шуриша самоварах...*

Красное Жло.

Самогон нашла...

На огороде бузина, а в Киеве... йоги

В воздухе пахло «большим» днем. С утра чувствовалась напряженная атмосфера в партийном и советском аппарате. В этот день особо ответственные и просто ответственные работники получили именья приглашительные билеты в центральный партийный клуб. В этот день на фабриках и заводах состоялись летучие митинги на темы:

«Хара-Хото или открытие несуществовавшего до сих пор города в Тибете», «Гробница Тутанхамена или египтологический туман среди английской буржуазии».

Собрание в партклубе начиналось в 8 ч., но уже с 6 ч. дня перед зданием клуба стояла очередь товарищей, не получивших именных приглашительных билетов.

Перед просмотром картины по предложению бюро клуба был избран президиум, почетным председателем—заведывающий Госкино РСФСР т. Лев Либерман.

Красный профессор Калинович начал лекцию. Мягкий тембр голоса сразу расположил к себе слушателей. Лекция продолжалась около трех часов. Гром аплодисментов покрыл последние слова профессора, призвавшего к воспитанию своей воли. Чье-то предложение о десятиминутном перерыве было отклонено и просмотр картины начался.

В момент, когда изображено прохождение инженера Ройланда через камеру пыток, раздался крик в зале—инженер Ройланд оступился о голову зарытого в землю прокаженного. Несколько истеричных товарищей из женотдела вынесли из зала.

Первая серия «Индийской гробницы» оборвалась. Начался диспут.

Первым говорил завагитпропом губкома, он же председатель совета клуба.

— Товарищи, сказал он. Вы помните, каким напряжением воли йог заставил слететь с колеса автомобиля шину? Вы помните, как напряжением воли он заставил невидимую руку забрать со стола оставленное инженером письмо, как йог заставил остановиться тигров перед невооруженным человеком. Товарищи, я призываю к воспитанию воли, к научному изучению системы йогов, отмечающей затемнение классового самосознания.

Вторым говорил рабфаковец.

— Товарищи, мое слово будет кратко. Я предлагаю срочно организовать краткосрочные курсы йогов.

Предложение было покрыто аплодисментами. У секретаря клуба началась запись желающих.

Перед закрытием заседания по предложению президиума решено было послать приветствие вновь избранному почетному йогу—завгоскино РСФСР—т. Либерману.

М. Изсталиц

НА НОВЫЙ ЛАД.

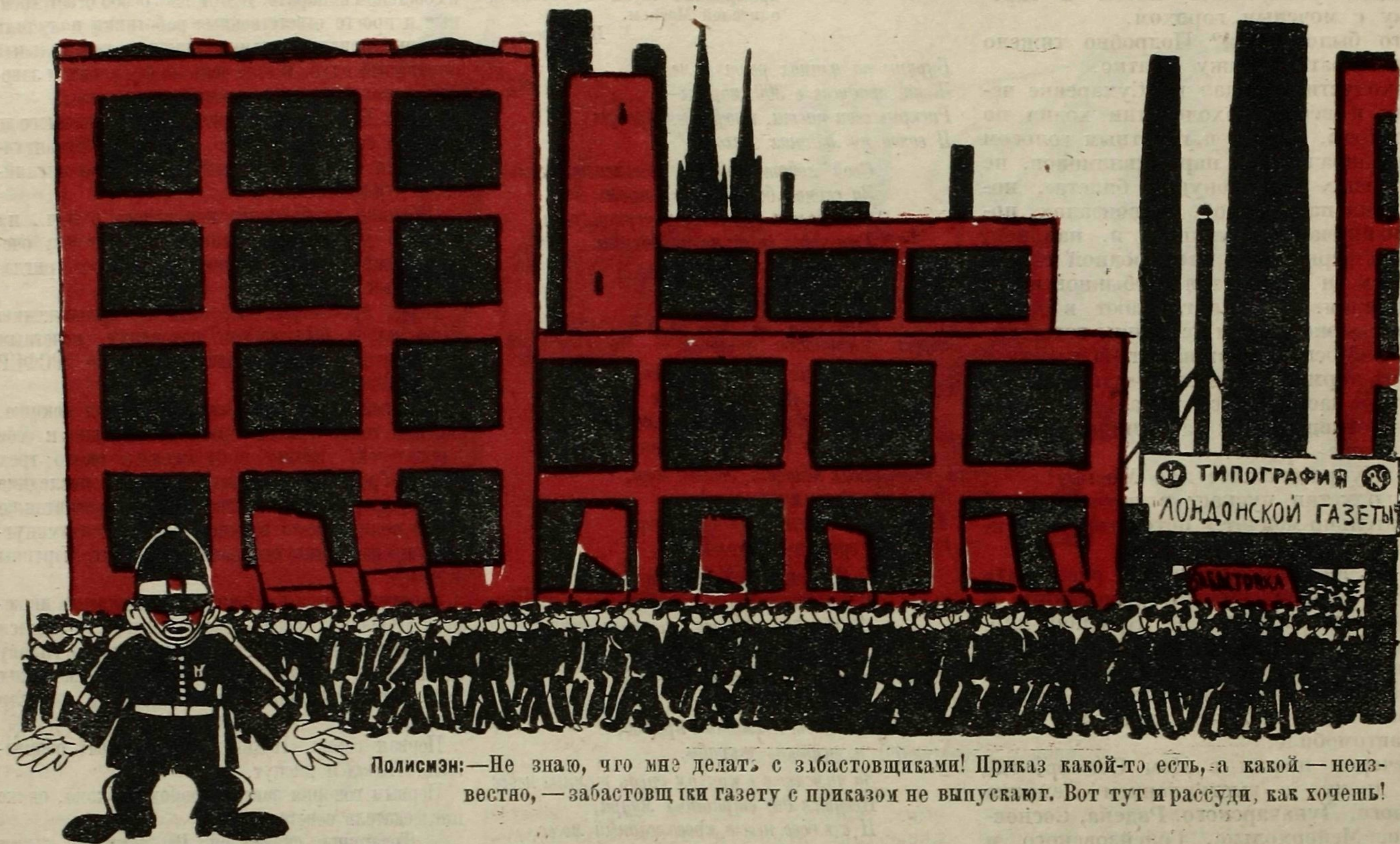

Помолилась, помолилась, помолилась!

ТРУДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ.

Рис. Д. Мельникова.

В Лондоне забастовали рабочие типографии, в которой печатались несколько газет. Правительственная газета не вышла первый раз за 258 лет. Из газет..

Полисмэн: — Не знаю, что мне делать с забастовщиками! Приказ какой-то есть, а какой — неизвестно, — забастовщики газету с приказом не выпускают. Вот тут и рассуди, как хочешь!

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ.

— Могу ли я видеть заведующего? — застенчиво спросил плохо одетый человек, нервно теребя свой туго набитый, парусиновый портфель.

— Заведующего? — иронически переспросил делопроизводитель, — вы бы еще в шесть часов утра пришли.

— Однако, — удивился вошедший, — да ведь уже двенадцать.

— Позвольте, — сухо перебил делопроизводитель, — вам по какому делу?

— Да так... — неопределенно отозвался посетитель и, робея, прошел к секретарю.

— Товарищ секретарь, — почти почтительно начал неизвестный...

— Вы же видите, что я занят, извольте подождать.

Секретарь озабоченно диктовал машинистке:

Хочу быть дерзким,

Хочу быть смелым...

— Товарищ, — уже настойчиво повторил неизвестный.

— Шестой год знаю, что товарищ... Вам чего?..

— Да вот заведующего нельзя ли?..

— Вы по личному делу?

— Да нет, по служебному. До среды приема не будет.

— Вы не знаете, будет заведующий?

— А что, указчик я ихний? Видите, что кульер.

— Но ведь он должен быть. Ведь мне говорили, в среду.

— Стал-быть, придет.

— Так почему же его нет?

— А може и не придет.

* *

— Товарищ заведующий, — торопливо начал человек с парусиновым портфелем, — я вас... целыми днями жду.

— Короче... Я занят.. Спешу...

— Но позвольте..

— Ничего не позволю.. Бегу... Некогда... Идите к секретарю.

* *

— Наконец-то я вас снова поймал! — в отчаянии уцепился посетитель за рукав заведующего.

— Гражданин, — свирепо оборвал тот, — и чего вам от меня надо... Сказано, к секретарю...

— Да, но вы мне лично нужны...

— Потрудитесь в письменной форме. А, впрочем, чего вы, в конце-концов, привязались? Кто вы такой?

— Я — вновь назначенный заводделом. И благоволите сдать мне дела.

СКУЛОВороты МОСКОВСКИЕ.

(Былина)

На Москве-реке против фабрики Эйнем с 5—6 часов по праздникам начинаются кулачные бои Хамовнических и Замоскворецких богатырей.

(Письмо в редакцию).

Не туча черная над Москвой собиралася, не рать поганая Половецкая надвигалася, — то собирались богатыри Замоскворецкие с богатырями Хамовническими тешить волю молодецкую, лупить друга друга по физиономиям пролетарским.

Как ударили Замоскворецкие Хамовнических, — затрещали ребра молодецкие, полетели перья лебединые. То не перья летят, — усы, бороды, волосы порастрепанные. Как наперли богатыри Хамовнические, выпустили вперед добра молодца — сапожника свет кривоногого.

Как поднимет тот сапожник кулачище в десять пуд, как ударит сразу десять человек. И взмолились тут богатыри Замоскворецкие.

— Ой ты гой еси, добрый молодец, молодой боец, свет сапожничек! Ты не бей нас промежду ребрами, не дробь нам зубы с челюстями!..

Не сокол занялся в поднебесьи, не орел расправил крылья могучие. То честной

советский служащий Куралей Иваныч Добропалицын поднялся с постели на Замоскворецкой стороне.

Как налетел честной советский служащий Куралей Иваныч Добропалицын на честного бойца — сапожника кривоногого, как ударит его кулаком в двадцать пуд, и посыпались из глаз у сапожника искры разные: голубые, зеленые, красные.

И была та битва до глубокой полночи.

И лежали на снегу головы оторванные, зубы поломанные.

И валялись на Москве-реке против фабрики Эйнема пиджаки с брюками, разорванные, шапки с картузами растоптанные.

И ревели тут жены со малыши детьми, подбирая зубы отцовские, руки-ноги трудящиеся.

А богатыри Хамовнические с богатырями Замоскворецкими заливали раны понесенные Трехгорным пивом и Старой Баварией. Смазывали места увечные самогоном злым-купоросным, приготовленным бабами самогонщицами.

* *

Не судите, люди православные, богатырей Московских: они не сами в бой идут, а ведет их глупость-глупая, тоска-скука обывательская.

Свойский

Связь

Ходячее знамя.

Рис. М. Черемных

Потерялось союзное знамя томского губотдела соработников. Из объявлений.

МУЖ:—А куда ты кусок со знамени дела, который остался.
ЖЕНА:—Я думаю тебе жилетку сделать.

Поповский волисполком.

Член юрьевского волвополкома Чернышев не созволил явиться 10—11 апр. на службу, а отпраился ходить с попом по приходу за псаломщика. Из сообщений с мест.

В один из волисполкомов приехал на пасхальной неделе мужик из дальней деревни по весьма нужному делу. Стучится.

Старческий голос отвечает:

— Ного бог несет?

— Стэпри, по делу из деревни приехал.

Высовывается голова сторожа:

— Чего ты в праздник-то вздумал! Никого нет!

— Как нет! Вот и объявление висит—занятка будут происходить, начиная с 9-го апреля...

— Мало ли что висит! Никого нет!
— Так я, может, на дом пойду... Где они?..

— Кто?

— Ну, секретарь где?

— Секретарь по приходу за певчего ходит... Ищи, пожалуй...

— Ну а член совета?, Который по земельному делу?..

— Это Бельшев что ли? Так он тоже там—за псаломщика...

— Эх, пропасти-то на них нет! Ну еще кто есть?

Сторож задумался:

— Еще один член совета... Паннратов... Может-быть, он дома...

Кричит жене:

— Марья, не знаешь, дома Паннратов?

Женский голос из-за двери отвечает:

— Что ты! Да он у нас от живой церкви за дьякона хорит... Дьяконом мы его наемни выбрали...

Мужик призадумался.

— Может, председателя можно увидеть?

— Председатель? Да где теперь найдешь председателя—он ведь у нас теперь в древле-апостольской церкви заместо попа ходит!..

Мужик сплюнул и выругался:

— Что у вас—церква или волисполком?

А потом, подумав, спросил:

— А может-быть Заборовский поаместо председателя принимает? Не пойти ли к нему?

Сторож ничего не ответил и запер дверь.

Бибера.

БИБЛИОТЕКА „КРОКОДИЛА“.

Вышла в свет: сатирическая поэма Льва Никулина **„КРАСНЫЙ ФЛОТ“.**

Обложка и иллюстрации В. Козлинского.

С требованиями обращаться по адресу: Москва, Охотный ряд, Главная контора „РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ“.

Рис. М. Черемных.

Изобретен радио-телефон; говорящий в него видит изображение своего собеседника.

Пустов, замзав Инструкторского П/отдела Центропуха, вернулся из очередной поездки с расстроенными нервами и сейчас же завалился спать. Во сне ему казалось, что он все еще качается на мужицком возу по ухабам, и возница во-всю орет: «Н-но, старая...» А когда он проснулся, то посмотрел на жену мутными глазами и спросил:

— Из Центропуха никто не спрашивал?

— Нет, из Центропуха никто, а вот какой-то молодой человек в очках тебе записочку оставил.

Пустов с любопытством прочел в записке следующее:

— «Редакция «Красного Барабана» просит вас принять ее сотрудника с целью интервьюирования. Заранее благодарный редактор (подпись неразборчива)».

Пустов даже с места привстал—и первым делом с сердцем выругал жену:

— Дура, не могла меня разбудить... Тут, можно сказать, решается государственное дело, а ей жалко было разбудить...

— Сказал, что зайдет завтра в час дня,—утешала его жена,—просил подождать.

— Завтра,—передразнил ее Пустов,—тут дело важное, поважнее, может-быть, всех дел, а она—«завтра»...

Успокоившись, он великодушно разъяснил:

— Да понимаешь ли ты, женская твоя голова, чем тут пахнет? Ведь «Красный Барабан» расходится по всей России. И редактор посылает сотрудника ко мне (ко мне!), чтобы со мною побеседовать... И это интервью будет напечатано—и его будут читать все: и зав. Инструкторского П/отдела, и Нач. Центропуха, и даже Совнарком, и все будут знать, кто такой Пустов и каково его мнение о России вообще и о Центропухе в частности. А она—«завтра»...

Жена виновато молчала. Пустов нервно зашагал по комнате.

* * *

Ночью Пустову не спалось. Он ворочался с бока на бок и думал о том, что скоро о нем, о Пустове, узнает весь мир. Оглянувшись и видя, что все спят, он тихо встал с постели, натянул штаны и сел у стола репетировать завтрашнее интервью:

— Я буду сидеть здесь,—мысленно решил он, усаживаясь в мягкое кресло,—а он, сотрудник, то-есть, вот здесь, напротив, что ли. Ну-с, я курю папиросу или сигару. Конечно, лучше сигару. Не забыть бы завтра купить. Ну-с, я спрашиваю: что вас собственно интересует? А он мне: «Пресса и пролетарское общественное мнение хотели бы узнать ваше мнение о Центропухе вообще и о результатах вашей поездки в частности». Тут я выпускаю дым и равнодушно говорю: Что-ж, можно, хотя принципиально я против интервью...

Пустов встал с места и, энергично жестикулируя, заговорил сначала тихо, а потом все громче и громче:

— Прежде всего укажу вам на вредный параллелизм Пухосиндиката, абсолютно ненужного, абсолютно в общегосударственном масштабе вредного учреждения. В этом я убедился во время

Дипломат:—Тут какая-то ошибка! Барышня, раз'едините!

Крокодил:—Не-ет! Я нарочно соединился с вами, чтобы сказать вам пару теплых слов.

своей последней поездки. Центропух вообще, как таковой...

Но тут жена проснулась и испуганно зашептала:

— Что с тобой? Не болен ли ты?

Пустов смутился и сказал:

— Нет, то-есть да, голова того... пошаливает.

И лег в постель.

* * *

На следующий день ровно в 12 час. Пустов распорядился:

— Самовар!.. Чтобы к сроку... И лимон, и закуска...

А в половине первого Пустов уже сидел в кресле. Сигары лежали тут же. Интервью было целиком готово. Сотрудник «Красного Барабана» ожидался с нетерпением.

Самовар весело жужжал, а у Пустова деятельно кружились мысли. Он еще не решил, следует ли заодно ужалить Зава. Оно, конечно, не бесполезно, да потом по службе неприятности выйдут. Наконец, решил. Он укажет на ненадежность аппарата Центропуха, наметнет на отсутствие работников, а там пусть уж каждый сам догадается, о чем и о ком речь идет... Вот это будет тонко!

Но что же это такое? Уже 2 часа, а сотрудника нет...

— Может, опоздает,—утешает себя Пустов,—это у них, у журналистов, то есть, часто бывает.

15 минут третьего, половина, три четверти третьего, три!..

Дверь открывается и всовывается кудрявая головка пятилетней дочки:

— Папочка, мамочка спрашивает, можно ли убрать самовар?

— Тьфу,—плюнул с сердцем Пустов—ни минуты покоя.

И вышел, сердито стукнув дверью.

* * *

В самых дверях он столкнулся с молодым человеком в очках и мягкой шляпе, который почтительно произнес: — Вы будете товарищ Пустов? Я сотрудник «Красного Барабана». Очень извиняюсь: вчера ошибся этажем и оставил вам записочку об интервью. Мне собственно нужно было этажем выше, к товарищу Шумихину, вернувшемуся из-за границы... извините!

Когда сотрудник «Красного Барабана» удалился, Пустов сквозь зубы процедил: — У-у, щелкоперы, писаки! Я-бы вас... И воздух прорезал увесистый кулак.

М. Осипович.

Сидор, Пров и Пантелей!
Присылайте пять рублей.

Мышление спеца.

Правлению Союза Совработников.

Несмотря на Ваше, точно конкретизирующее и в значительной мере разрешающее данное обстоятельство, от 21-III за № 399 прошедшее по входящему журналу адресата за № 1449 от 21-III, последний заметно уклоняется, осторожно изоцряясь не только в словоплетстве сквозняком фраз, но и зачеркиванием даже союзов, желая на развалинах уподобить заштрихованию следов искусственного абортного скорополитно произведенному сокращению штатов мое появление в Бахмуте.

Вот, где заложен фундамент центра тяжести создавшегося, ввиду чего прилагая копию распоряжения от 20-III № 26, обращаю своим текстом внимание, являющийся безусловно диаметрально противоположным ответом на Ваш № 399 вследствие чего характеризуя создавшееся, прошу указания на сем же, как быть с выездом в Бахмут.

Помощник Начальника Дон-Басстопа Юзрайона Марков.
Всероссийский Союз
Работников

Советских, общественных
торговых предприятий и учреждений.

Юз. Отделение.
30-IV дня 1923 г.
№ 557.

Уваж: Крокодил!

Прилагая при сем отношение помначдонбастоба Юзрайона гр-на Маркова, Президиум Юзотделения Профсоюза Совработников просит в Вашем журнале разъяснить суть вышеупомянутого отношения.

Ввиду того, что Президиум н.-отделения состоит из лиц с низшим образованием, а гр-н Марков является высококвалифицированным «спецом» (инженер-горняк), Президиум затрудняется установить: выросли ли мы до понимания «конкретно характеризующей»

работы спецов или данное отношение написано вследствие «искусственно-абортного, скоропалительного мышления» спеца и потому не заслуживает нашего внимательного и вдумчивого обсуждения.

С уважением
Президиум.

Ст. „Крокодила“: Послали на справку в институт древних языков — оказывается, это тарбаро бюрократо-футуро-абортный язык. Словарь его разыскивается.

Сельская дуэль.

Тов. Крокодил!

Не откажись запустить вилами в бок гулякам села Краснополье, Полоцкого уезда. В селе была ярмарка и, конечно, надрызгались многие. А продынспектор Иванов, напившись до «белых слонов», вышел на улицу с револьвером и начал целиться в публику.

То же самое, с другого конца, сделал и пьяный член волысполкома А. Афанасьев. Народ разбежался. На середине села приятели встретились и хотели устроить между собой дуэль, но, к счастью, несколько находчивых парней помешали храбрым воякам и растащили.

Афанасьев уснул на площади, а Иванов достал лошадь у мельника, вихрем помчался по селу, сбил с ног 6 человек и успокоился только после того, как все крестьяне попрятались по домам.

Серп.

Рис. Из. Малюткина.

Вот деревня. В каждом и хатке

И прорехи, и заплатки

Серость, бедность. Лишь один

Дом стоит, как господин.

В этом доме самогонка

Продавалась очень тонко.

Самогонщина дружка
Крокодил взял за бока.

Бедность не порок.

Центральное Бюро по обслуживанию иностранцев в Москве.

Отель «Княжий Двор».
12 февраля, 1923 года.

№ 8.

М. Знаменский пер., 1.
В Управление домами.
Рапорт.

Прилагая при сем заявления служащих гостиницы о выдаче им аванса на приобретение обуви и одежды, со своей стороны поддерживаю их просьбу и позволяю себе напомнить администрации Бюробин'а, что некоторым категориям служащих гостиницы полагается прозодежда, и несмотря на мои неоднократные напоминания об этом, до сих пор служащие гостиницы и главным образом те, которые больше всего соприкасаются с жильцами (горничные, корридорные, швейцары) ходят почти в рубищах и тем самым роняют престиж гостиницы, а главным образом, конечно, Бюробин'а.

Управдомом (Волков).

Резолюция Управ. Бюробин'ом, т. Лие:—«Предлагаю т. Волкову в служебных донесениях придерживаться служебного языка, а не читать нравоучения весьма сомнительного характера, т. к. надо твердо помнить, что бедность не порок, важно не в чем сотрудник одет, пусть будет и бедно, лишь было бы чисто и важно, как он работает. Авансы даются только в исключительных случаях, бо-

лезни и т. п. Вместе с тем в ближайшее время предполагается закупить и выдать полагающуюся прозодежду.

(В. Лие).

С подлинным верно:
Секретарь месткома (подпись).

Почтовый ящик.

Челябинск.—В. Л. Стихи для «Крокодила» слишком длинны.

Добруш Д-У. Домового в свое время изобразим. Пока же высылайте материал.

Юзовка.—Шаталову. Из прошлого по размеру не годится.

Снова Челябинск.—Глинскому. Пришлите письменную резолюцию. Для «Крокодила» надо писать короче и острее. Ждем.

Болхов.—Уханову. Присланное передано в «Рабочую Газету».

С. Мошево, Черд. уезда.—Латкину. Нужны факты.

В. Удинск, Прибалтийской губ. «Крокодил» предпочтет получать письма в прозе.

Петрозаводск.—Сухову. Ждем дальнейших корреспонденций.

С. Рассказову.—Ал. Б-у. Прошу «Крокодила» не как животного, а как доброго друга сказать: заслуживают ли они (произведения) печатания на столбах его, официального органа.

Даже не в официальном органе—не заслуживают.

Нижегород.—Д. Гольденбергу. Есть ли надобность второй раз открывать Америку. Частушки в «Крокодиле» печатаются часто, но ваши не пойдут. Не сделаны и словами интеллигентскими пестрят.

Александров.—Чай-Котыснову. «Сборы» надо писать не через З, а через С, даже если пишут вашим стилем, как-то:

«И на чего оно светло
Да и себя не учил».

Александровка.—Сухову. Рисовать для «Крокодила» не так легко, нужно много учиться.

Лозово-на-Волжском.—Бичарову. По-украински не балакаем, но хорошее повяты можем.

Пятигорск.—Червонному. «Крокодил» в восхищении от присланного материала. Ждем еще.

Нагичевань.—Скобелеву. Рисунок для «Крокодила» не годится. Пишите о местной жизни.

Борога П-ву. Лучше всего присылайте документальный материал. Ябы сделал удовольствием поработать сотрудником вашего журнала по своему громадному призванию быть журналистом юмора.

Мид.—Только Здрать пишется через С, а не З.

Ковров.—Рабочим завода № 4. Крокодил исполнит вашу просьбу.

Феодосия.—Б. Пильскому. Конечно, Крокодил поговорит о вашей теме.

Владимир.—Федорову. Вашу «Комиссаршу» отдадим в «Рабочую Газету».

Редактор—Ред. Коллегия.

Издание „Рабочей Газеты“.

МОСКВА, Охотный ряд.

БУМАЖКА ВИНОВАТА.

Несколько делегатов от крестьян Будаевской волости, Гжатского уезда, ездили в Москву к тов. Калинину и просили его о рассрочке платежей страхового налога. Тов. Калинин согласился и дал им записку в губернский комитет. В губернии немного поспорили и пошли на уступки. Приехали делегаты в уездный комитет, там бумаги у них отобрали, самих арестовали и посадили. Крестьяне испугались и заплатили страхового налога сполна, продав наскоро скотину и пожитки.

Из газет

Рис. М. Черемных.

Крестьянин (т. Калинину): — Что же ты, Михайла Иваныч, мне написал в этой бумажке? Ведь в уезде нас через эту бумажку в каталажку вбрыкали. Негоже так-то, стало быть...